

НАША СТРАНА

SEMANARIO

"NUESTRO PAIS"
Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
 Concesión N° 3980
 FRANQUEO PAGADO
 Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 9 de febrero de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 9-го февраля 1951 г.

No. 108

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

АКСИОМЫ

ВОКРУГ ВОЙНЫ
 Полк. С.

В номере 92 "Нашей Страны" П. Л. Солоневич пишет: "С полк. С. мы ругаемся не в первый раз и это, слава Богу, не нарушает наших дружеских отношений". Совершенно верно, почти с первого номера газеты. Но это перед лицом общего врага не имеет никакого значения. К сожалению, совершенно иное во всей остальной эмигрантской печати. Там всякий инакомыслящий — смертельный враг. "Наша Страна", пожалуй, единственная газета, где можно свободно высказывать свое мнение даже тогда, когда редактор не согласен с автором.

Когда 800.000 красных китайцев, более гола тому назад, пришли на помощь севернокорейским коммунистам, ген. Мак-Артур объявил: "это новая война", и просил разрешения бомбардировать военные базы в Китае и предложил план блокады китайских портов. Мистер Труман остановил его. Мистер Эчисон остановил его. Англия, сохраняя Гонг-Конг и торговлю с красным Китаем, остановила его. В это время американские В-29 могли бы свободно исполнить эту задачу, а блокада портов задушила бы китайскую индустрию и торговлю в самое короткое время. И война в Корее давно была бы кончена. Теперь уже поздно. Теперь американские В-29 слишком устарели и слишком уязвимы для советских МИГ-15. Теперь господство в воздухе переходит на сторону коммунистов. По официальным сводкам потери в американской авиации в Корее до сих пор — 900 самолетов, потери коммунистов — 300. Под влиянием Англии и Франции, руководители американской политики боялись вмешательства Советов в корейскую войну. Была ли какая-либо опасность такого вмешательства?

Попробую разобраться. Возьму хотя бы один эпизод из этой войны — высадка американских войск в Инчоне в сентябре 1950 года, когда союзная флотилия в своем составе 400 судов могла бы быть очень легко уничтожена советской авиацией и подводными лодками: Советов могли бы нанести такой удар всей эскадрильи, что катастрофа в 1941 г. в Жемчужной гавани показалась бы прогушкой. Американцы были бы выброшены из Кореи и война была бы закончена победой Советов. Они этого не сделали. Почему?

Вмешательство Советов в корейскую войну неизбежно вызвало бы преждевременную войну не только в

Европе и на Ближнем Востоке, но, пожалуй, на половине земного шара. К такой войне Советов еще не готовы. Теперь я задам такой вопрос. Во время Второй Войны, когда почти весь мир был союзником Советов, когда одна только Америка отправила Советам на 11 миллиардов долларов вооружения и пр. и когда Советов имели против себя только одного противника — Германию, они до последних дней не осмелились открыть второй фронт — в Манчжурии. Теперь, когда у Советов нет союзников, кроме Китая, пока еще очень слабого, когда весь мир против них, когда все их сателлиты только и ждут момента, когда можно ударить в спину своим поработителям, когда русский народ в массе своей ждет, как манна небесная, войны, чтобы, получив в руки оружие, сбросить с себя ненавистную власть, как могли бы Советов решиться на открытое выступление?

Даже в техническом смысле, несмотря на колоссальное превосходство в количественном и качественном отношении в танках, в артиллерии и в авиации по сравнению с США — Советов наступательной войны вести не могут. Уже помимо того, что "машинами" управляют люди и что никаким террором нельзя человеческую природу превратить в робота, Советов не могут вести длительную войну, т. е. у них нет бензина. При самом экономном расходовании и по самым оптимистическим подсчетам экспертов запаса бензина у них хватит на 3 месяца войны (я не говорю уже о разрушении воздушной бомбардировкой нефтяных вышек). Ну, сделаем поправку на 100% — хватит на 6 месяцев. А дальше? Железные дороги так изношены, что редкие линии допускают скорость движения более 40 верст в час. Что же будет во время войны?

За последнее время мне пришлось часто беседовать с бежавшими из Советской России американцами, из них некоторые прожили в Советской России более 20 лет. Все они в один голос говорят — если будет война против России, аналогичная Второй, русский народ будет драться вне всякого сомнения, но если Советов начнут войну в Корее, в Иране, в Европе или где бы то ни было — это будет их конец, тоже вне всякого сомнения. Я упоминаю это потому, что Генеральный Штаб Красной Армии в последнее время изменил план войны. Главное внимание направлено на оборону — "ослабить оборону прифронтовой полосы и усилить центр". Под этим центром Штаб подразумевает полосу

в 3.000 миль длиной и 300 миль шириной, т. е. от Москвы до Читы, где главным образом сосредоточены естественные богатства страны, индустриальные комбинаты, заводы военной промышленности, уголь, источники электрической энергии и знаменитые "атомграды". Для обороны этой цитадели назначено 10.000 самых лучших и самых быстрых в мире ракетных самолетов ЛА-174 (Лавочкины) и 1.000 самых новейших противозащитных орудий. Другие 10.000 самолетов — как эскорт советских бомбовозов для бомбардировки неприятельских баз на Ближнем Востоке и в Европе. В двух словах стратегия Советов: "пусть неприятель придит, и мы его уничтожим".

Таким образом, можно до некоторой степени быть уверенным в том, что активное выступление Советов на Дальнем Востоке в настоящее время исключено.

Несмотря на все ошибки руководителей американской политики, которые они сделали и еще сделают, война на Дальнем Востоке Советами проиграна. Наполеон проиграл кампанию не под Ватерлоо. Его падение началось на Ближнем Востоке — в Египте. Гитлер проиграл войну не под Парижем. Его участь была предопределена на Ближнем Востоке — разгромом под Эль-Аламейн. Начало конца Советов ясно обрисовалось поражением коммунистов на Дальнем Востоке — под Инчонем. Это поражение опрокинуло все планы Советов в Азии. Победа ген. Мак-Артура имеет огромное значение и только история оценит это. Мак-Артур был единственный человек, который понимал положение и знал, что надо делать.

Свое письмо в номере 92 я закончил словами: "В общем я согласен с Вами, мы (США) к войне не готовы". Добавлю — и никогда не будем готовы в полном значении этого слова, т. е. мы тратим деньги на вооружение Европы и хотим быть сильными на всех фронтах, забывая самый главный — свой собственный. Есть старое избитое выражение — можно подвести лошадь к воде, но нельзя заставить ее пить. Можно вооружить Европу, но нельзя заставить ее драться. Европа, несмотря на все усилия Эйзенхауэра, драться не хочет, не может и не будет. Драться будут только США и может быть, Турция, Греция и Испания.

В своем письме я не согласился с П. Л. в том, что в Азии идет национально-освободительная война. Это была моя ошибка, я не точно выразился. Я подразумевал Китай. Ленин когда-то сказал — кто владеет Азией, владеет всем миром. Эту истину усвоили японцы еще раньше Ленина (после поражения России в 1904-5 г.г.) и первой задачей их по овладению Азией был захват Китая. С 1931 г. до 1945 г. Чан Кай Шек вел националь-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
 АКСИОМЫ

•
 Борис Ширяев
 ТРОПИКИ И ПУТЬ

•
 Лидия Норд
 ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
 ВЫПИСКОМУ

•
 Проф. М. В. Зызыкин
 ГОГОЛЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ
 (Продолжение).

•
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА
 •
 ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

•
 CHARACTERISTICA DE LOS
 CAMPOS de CONCENTRACION
 EN LA UNION SOVIETICA
 DEL LADO SOCIAL Y
 ECONOMICO

но-освободительную войну против такого же азиатского народа как и он сам, но уже с 1945 г. до настоящего времени — против захвата, но уже не желтой, а белой расой. Мао, я полагаю, не является "освободителем". Никто не покушается на его независимость. Там, в Китае, согласно Ленино-Сталинской доктрины, при помощи советского ставленника Мао, идет завоевание Азии, как прелюдия к завоеванию Запада. Раз Азия будет находиться под властью Советов — за падение демократии во главе с США будут поставлены перед неизбежной в самом недалеком будущем войной не только на два фронта, а на двадцать два, с очень большой вероятностью поражения. В самом же Китае сейчас идет жестокая война не против иностранного захвата, а против своего собственного народа — 15,5 миллионов уничтожено "массовыми казнями". Еще большее число — 20 миллионов погибло от голода, отчаяния и самоубийств. Гора из 80 тысяч человеческих черепов, построенная Тамерланом — детская забава по сравнению с работой Мао, самого способного ученика Сталина. Уроки гениального учителя дают уже свои результаты — 8 тысяч убитых пленных американцев и несколько десятков тысяч убитых южно-корейцев. Даже мистер Эчисон сказал, что китайскому коммунистическому правительству (освободителям) надо еще очень много работать на пути цивилизации, чтобы подняться хотя бы до уровня варваров. Наконец то. Иллюзии тяжело умирают. И в процессе умирающей туманят зрение и притупляют ум даже у самых честных патриотов. Только этим и можно объяснить все ошибки м-ра Эчисона в китайских де-

лах. Аналогичное "освободительное" движение, повидимому, начинается и в Индо-Китае, где 51 летний Хо Чи Мин действительно в течение 5 лет борющийся за освобождение страны, недавно заменен 43-летним ставленником Москвы Труонг Чин, с приказом следовать во всем примеру Мао.

Сейчас в Корею идут переговоры о мире. На очереди вопрос о возвращении пленных. Из 125 тысяч севернокорейцев и китайцев большинство отказалось возвращаться. Но согласно мертой буквой Женевской конвенции, соблюдаемой только с одной стороны, по примеру русских пленных в Германии после Второй войны, пленные китайцы и корейцы будут выданы коммунистам. И еще одна печальная страница будет вписана в историю США.

Ни конференции, ни заседания, ни соглашения, ни уступки, ни податки не могут изменить политики Советов. Они понимают только одно — силу. Вот почему в 1939 г. Сталин решил стать на сторону Гитлеровской Германии, считая, что в военном отношении Англия и Франция очень слабы. Вот почему Советы до последних дней перед наступлением Гитлера в 1941 году ползали перед нацистским правительством, умоляя сохранить советско-германский союз. И когда война началась, Сталин боялся, что Черчилль, заклятый враг коммунизма, нанесет последний coup de grace большевистскому режиму, послав британский флот бомбардировать Петербург или, в лучшем случае, останется нейтральным и позволит Гитлеру разгромить Советы.

Вот этой то "силы" у США и нет. И при той политике, которая ведется сейчас, я не вижу возможности ее появления.

В своем письме я писал — "мы к войне не готовы". А если не готовы, отвечает глубокоуважаемый И. Л., то с этой точки зрения не имеет никакого значения ни уход генералов и адмиралов, ни 98% населения за Мак Артура и пр. Может быть. Но можно ли опираясь на мнение двух-трех генералов, 2% населения и увольняя несогласных, стать "готовым к войне" и выиграть таковую? Я думаю, что, все таки, нельзя рубить сук, на котором сидишь.

ВОПРОС О ПРОИЗВОЛЕ

Статья полковника С. возвращает к теме, которая, собственно уже давно перестала быть актуальной: к теме о выступлении ген. Мак Артура. С тех пор утекло много воды и крови, сенсация, вызванная ген. Мак Артуром, затихла совершенно, и с политической арены ген. Мак Артур сошел, — будем надеяться, только временно. Будем надеяться и на то, что полная неудача его прошлогодних выступлений, — при всей их сенсационности, — оставила все таки какие то полезные следы. В том числе, и в самом ген. Мак Артуре.

Полк. С. может быть, и прав, когда он пишет, что "Наша Страна" является, пожалуй, единственным органом, где можно свободно высказывать свое мнение. "Наша Страна", в числе прочих своих задач, пытается в меру сил своих бороться с эмигрантской нетерпимостью ко всякому иному мнению. Это вляется плохо. Я, вот, писал, что не разделяю иных мнений о Керенском, и теперь мне, видимо, придется доказывать, почему именно я их не разделяю: можно было бы заранее предположить, что и

мое мнение на чем то основано. Однако, ряд штабс капитанов рассматривает это уклонение от стандартизированной точки зрения, как государственную измену. Утешительное осложнение заключается в том, что, если мы отбросим "эмоции", которыми эмиграция пропитана насильственно, то мы очень часто можем констатировать тот факт, что, может быть и спорить всерьез было не о чем. И что противники, рассматриваемые с близкой дистанции, часто оказываются менее противными, чем они казались издали.

Почти со всеми деталями статьи полк. С. я не согласен категорически. Удушение китайской индустрии и торговли никак не остановило бы войны в Корею. Никакого превосходства советской авиации нет. Второго фронта в Манчжурии Советы не открывали вовсе не по недостатку смелости, а по совершенно очевидной ненужности этого фронта — Японию и без Советов добивали САСШ. Наполеон проиграл свою судьбу вовсе не в Египте, и Гитлер — не под Ел Аламейном. Сталин вовсе не пресмыкался перед Гитлером, и тот, кто "владеет Азией" — вовсе не владеет миром. Афоризмов такого рода имеется сколько угодно. Над одним из них: "кто владеет проливами — владеет миром", язвительно издевался Бисмарк. Европа драться, вероятно, будет, — плохо, но будет драться. А, вот, вопрос о том, будет ли драться русский Иван, освещен полк. С., к сожалению, слишком поверхностно. А именно от этого вопроса зависит все. Рассказы бежавших из СССР американцев недостаточно убедительны: "если Советы начнут войну в Корею и т. д... это будет их конец, это вне всякого сомнения". А, вот, у меня сомнения есть. Немцы, по крайней мере до 1945 года, были совершенно твердо убеждены, что Германия-Польшую войну начали поляки. У немцев в 1939—45 г. г. были неизмеримо лучшие информационные возможности, чем у подсоветских людей сегодняшнего дня. Кем будет начата Третья Мировая, никто в СССР и знать не будет. Не многим больше будут знать и в САСШ. Люди будут "знать" то, что им скажет соответствующая пропаганда, разумеется, с очень большими поправками на доверие к этой пропаганде. Пока что САСШ делают все от них зависящее, чтобы поторвать доверие к своей антисоветской пропаганде.

В общем, точка зрения полк. С. — это, я бы сказал, — типичная точка зрения "военно-наивного реализма". Она очень распространена в правой эмиграции и она базируется на очень солидном базисе владческих анекдотов. Издающаяся в Буэнос Айресе газета "За Правду" пытается поколебать ряд, если и не апокрифов, то аксиом.

БЕЗ АКСИОМ

Основные положения редакционной статьи этой газеты от 12 января с. г. сводятся к следующему:

"У весьма многих из нас установились аксиомы, непризнание которых почитается признаком глупости, недалковидности или даже претательства.

Одними из этих аксиом являются:

1. Третья мировая война неизбежна и она вот вот начнется, если уже не началась.

2. Политика защиты от комму-

низма без превентивной войны гибельна и приведет к победе коммунизма во всем мире; всякие же переговоры с большевиками поведут лишь к деморализации западных народов и к победе коммунизма "мирным" путем.

3. Западные правители лишены здравого смысла, или даже просто действуют на руку большевикам, когда они затягивают возникновение войны и твердят о мире.

Можно было бы привести и еще целый ряд подобных аксиом, возражать против абсолютной истинности которых было бы равносильно, в лучшем случае, злейшей ереси, в худшем — большевистской провокации".

Газета, однако, пытается возражать:

"Если говорить о Третьей Войне как о тотальном вооруженном столкновении западных держав с СССР, то ее возникновение весьма проблематично. Ведь вот английский историк Тойнби высказал же уверенность в том, что подобной войны может не быть в течение 50 и более лет и соображения этого не совсем уж недалковидного мужа далеко не легковесны.

"Относительно превентивной войны можно быть весьма разного мнения. Во-первых, историей вовсе не доказано, что всякая наступательная война приводит к победе. Стогое наоборот. Наполеоновские войны были все наступательны, а конец их — св. Елена. "Превентивная" война Наполеона III против Германии кончилась Седаном и гибелью Империи. Первая мировая война, разыгранная по всем правилам искусства "величайших военных стратегов" германского генерального штаба, привела к Версалию и гибели бисмарковской Империи, Вторая мировая война была и наступательна и "превентивна". Ее конец — развалины Берлина и крах Третьего Райха. Нет ли тут общего закона, выраженного в Евангелии: "Взявший меч — мечем погибнет"?

Гести превентивную войну чрезвычайно трудно психологически, особенно в современных условиях. Как, действительно, убедить всякого американского, английского, французского и всякого иного солдата в том, что он должен идти на опаснейшую и, вероятно, самую страшную в истории человеческого рода войну, лишь потому, что его правители уверены, что иначе погибнет его страна? Нужно соответственным образом перевоспитать по крайней мере целое поколение. А затем, какая гарантия, что именно эта превентивная война не окажется причиной гибели свободного государства и победы коммунистов. Что тогда? Правда, русские эмигранты гарантируют, что если эта превентивная война будет, с одной стороны, вестись по всем правилам германской стратегии и военной философии, а с другой — при непремennom участии Русской Освободительной Армии, то победа над коммунизмом обеспечена. Но одной этой гарантии маловато. А вдруг германская стратегия и философия окажутся снова, как уже много раз, вздором, а Русская Освободительная Армия не сумеет привлечь на свою сторону красных? Как тогда?

Свободное человечество обязано прежде всего морально, если оно, хотя бы в теории, говорит о сохранении заветов христианской цивилизации, оттягивать до последней возможности возникновение войны, чтобы полностью подготовиться к ней и уж никак не дать большевикам справедливого повода к объявлению защитников свободы агрессорами".

ОБ АКСИОМАХ ВООБЩЕ

Попробуем разобраться по пунктам.

Прежде всего, в политике никаких аксиом нет. И нет никакой неизменяемости, если под неизбежностью понимать не "пределы человеческого предвидения", а некий абсолютизм. Мировая война неизбежна в пределах человеческого предвидения, но военно-экономическое напряжение достигает невыносимой для обеих сторон остроты. Война может быть оттянута теми способами, о которых говорит газета — постепенным выжиманием Советов из Европы, — если Советы на это выжимание пойдут. Это последнее почти совершенно невероятно, так как уход Советов, допустим, из Чехии, означает создание антисоветской чешской армии. Это же относится к Польше, Венгрии и т. д. Занимая все эти страны, Советы имеют как и те шансы. Оставляя эти страны, — Советы теряют шанс за шансом. На уступки в Европе Советы не пойдут. Но не исключена иная возможность — смерть Сталина, естественная или насильственная, резня в кремлевской верхушке, разложение аппарата, — и тут прекращается всякое человеческое предвидение.

О превентивной войне можно быть, конечно, разных мнений. Из любой превентивной войны можно сделать оборонительную. Русско-Японская война была результатом наступательной политики России и оборонительной политики Японии, хотя стратегическая инициатива и принадлежала японцам. "Общего закона" тут, действительно, нет.

Никто не может дать полной гарантии победы. Никто не может предвидеть даже исхода американских выборов марта этого года, как никто — даже Институт Галупа — не предвидел победы Трумана на прошлых выборах, ни победы лейбористов в 1945 году. Выражаясь несколько иначе почти вся человеческая история есть история человеческой непредусмотрительности. Безусловных гарантий победы нет. Нет даже безусловных гарантий от сталинской победы. Мистер Тойнби, вероятно, неглупый человек — он не предвидит войны в течение ближайшего столетия. М-р Уэллс был тоже неглупым человеком, — он предвидел мировую победу Сталина. Если даже и отбросить гениальность товарища Сталина, то было бы все таки трудно считать его глупом: как и те расчеты на мировую победу у него, все таки, есть. Может быть они и не так необоснованны, как мы об этом думаем.

Нет в политике ни аксиом, ни неизбежностей, — в абсолютном смысле этих терминов. Но есть некоторые "тенденции развития", которые все таки можно уловить, если последовать совету газеты "За Правду", не принимать желаемое за действительное, учитывать собственные возможности и си-

лы", или, говоря несколько проще, не заниматься ни иллюзиями, ни апокрифами. Боясь, что этот рецент совершенно утопичен.

К статье в "За Правду" я хотел бы сделать одно, но весьма существенное примечание: автор статьи несколько свысока иронизирует над эмиграцией, которая, де, не имея никакого государственного опыта, дает свои советы государственным мужам Запада. Можно утверждать обратное: русская эмиграция, при всех ее недостатках, имеет больший государственный опыт, чем государственные мужи. И вообще опыт государственных мужей — вещь весьма относительная. С некоторыми, — не очень существенными поправками, — мы находимся в том положении, в каком находились в свое время Ленин и Троцкий: оба жили в Париже и на обоих была одна парабелия. Когда один выходил на улицу, другому приходилось сидеть дома. Потом оба оказались у власти — или захватили власть. Ленин создал партийно-государственный аппарат, какого еще не знала мировая история. Троцкий разбил всех генералов и адмиралов, которые подвергались ему под руку. Примерно по такой же схеме действовали такие эмигранты, как Муссолини, Пилсудский, Масарик и очень много других. Пока все они сидели в эмиграции, никто их советом не слушал — как не слушают и сейчас. Потом — приходилось считаться и не только с "советами", но и с деяниями. Придется считаться и с нашими и чем раньше будет это сделано, тем будет лучше — для обеих сторон.

ПО ТУ СТОРОНУ АКСИОМ

Полк. С. рассматривает вопрос по преимуществу с военной точки зрения, даже и с узко-военной. "За Правду" пытается подняться до неких обобщений и ставит вопрос гораздо шире. Обе стороны упускают из вида один фактор: состояние тыла СССР. В "Народной Правде" помещено очень длинное повествование новейшего перебежчика, советского офицера, который время с конца войны до 1951 года провел в Берлине и попал в отпуск только сейчас. Вот, некоторые места из его бесхитростных впечатлений.

"Проехали Польшу, продуктами на дорогу запаслись. Поезд подошел к советской границе, отошел от границы метров 500, опять остановился. И слышим по крышам вагонов какие то шаги. Мы спрашиваем проводника, кто это ходит по крышам? Он отвечает: это пограничники, сейчас будет проверка документов... А когда мы в окно посмотрели — то снаружи часовые нам приказали отойти от окон, то мы увидели, что по обеим сторонам вдоль железной дороги тянется в несколько рядов колючая проволока и доты*) с пулеметными установками.

Нагрозив нас сидевший подполковник и говорит: "Ну, вот мы и пренехати на родину!" — и посмотрел в окно на колючую проволоку.

В Брест-Литовске, простояв в очереди тринадцать с половиной часов, мы с большим трудом сели в поезд.

Осмотр вещей в таможне, это почти дневной грабёж. Отбирали вещи, материалы на костюмы, на

пальто, обувь, фото-аппараты, часы, радио-аппараты, пишущие машинки и пр. Женщин уводят в особую комнату и там раздевают. А сейчас — о впечатлении от города Брест-Литовска, первого советского города при въезде.

Первое, что мы услышали еще на вокзале, это "караул, помогите, грабят!" Крики, стрельба и все стихло. И нас предупредили, смотрите, ночью от вокзала далеко не отходите, а то разденут. Утром решили сходить в город, на базар. Попили рано в 6 часов утра. Около базара встретили — ведут колонну военных, но без знаков различия, без ремней и усиленный конвой. Мы спросили, что это за люди? Оказалось, это солдаты, сержанты и офицеры из Германии. И в это время опять идет колонна, тоже под усиленным конвоем: гражданские, сначала мужчины, а потом женщины, их вели на работу. Наш собеседник спрашивает нас: "А вы что, только что из за границы?" Мы отвечаем, да. "Да, видно сразу по обмундированию и по упитанности". Мы рассмеялись. "А что, разве в Советском Союзе не одинаковое обмундирование и упитанность?" "Поедете — сами увидите". И мы пошли дальше, уже видим базар. И по дороге уже слыт нищие просят милостыню, и военные инвалиды, сидящие на земле, оборванные, замерзшие, голодные, от жалости сердце сжимается, давали мы всем понемногу, сколько могли. До базара так и не дошли, вернулись обратно, сердце не вытерпело.

Посадка откладывалась три раза, а когда началась, вот тут нужно было силу, чтобы устоять на ногах, иначе собьют и задавят у вагона. Тут кто смеется, кто кричит, бей его по роже, куда лезет, а кто кричит, ой, помогите, задавили.

От Брест-Литовска проехали две три станции... Если в Польше предлагали купить сало, хлеб, яйца, колбасу, то здесь обнаружат нас нищие разных возрастов и национальностей, "дядя, дай кусочек хлеба", или "дядя, дай копейку на хлеб". Спросишь: "нашка есть?" "Нет, убили на фронте, а мама работает одна, нас трое". И все оборванные, босые, грязные. А в Минске — на вокзале сидят инвалиды войны и просят милостыню и почти у каждого орден. боевые награды: "Браточки, помогите ради Бога, коллегам по службе, мы ведь тоже воевали, защищали родину. А сейчас видите..." И один заплакал.

Ехал от Брест-Литовска до Свердловска и дальше. Все одно и то же... Пароход причалил. Меня встретили родные, взяли вещи и говорят: "ну, пошли". Я отвечаю, зачем идти, возьмем извозчика. Они смеются: "нет, брат, это время уж прошло, отъездили на извозчиках, теперь пешком ходим, зачем такая капиталистическая роскошь, лучше по-социалистически пешком, да босиком".

Когда мы вошли в город, я просто не узнал его. Дома, заборы, мостовые, тротуары не ремонтируются. В центре города когда то был один из лучших магазинов, а сейчас — окна выбиты, заколочены досками, в магазине сделали столбчатую мастерскую. Я спрашиваю, почему, а мне отвечают, потому, что торговать нечем. Когда

пришли домой, поставили самовар на стол, а хлеба нет. Сестра стояла в очереди и не достала хлеба. Говорят, что часто ложатся спать голодные, когда хлеба не достанется, а иногда и денег нет, чтоб купить.

Зашли в ОГИЗ (магазин отдела Госплана). Я хотел купить блокнот. Спрашиваю: "у вас есть блокноты?" — "Нет". "Тетради?" — "Тоже нет". — "Карандаши? перышки, чернила?" — "Тоже нет". И еще на многие вопросы я получил ответ: "нету".

Вечером пошли в кино, зал был на 5% пустой. Я спрашиваю у сестры, почему нет публики? Она отвечает: нет денег.

На второй день поехал в деревню, навестить дядюшку. На ужин сварили картошку, покушали картошки без хлеба, выпили по стакану чая без сахара, вот это был ужин колхозника.

Легли мы спать все на полу, постлали соломы, а прикрылись чем, кто пальто, кто обрывком одежды. Утром я встал рано, стал умываться, ишу, где мыло, а дядя говорит: "Что, мыло смотришь? Нет, браток, мы от мыла уже отвыкли, не помню когда умывался с мылом, даже тряпку и то постирать с мылом не приходится..."

Позавтракали мы опять одной картошкой..."

ВЫВОДЫ

Суммируя этот рассказ, можно было бы сказать, что общее положение в СССР снизилось, приблизительно, до уровня "эпохи военного коммунизма". И что экономика страны находится в истинно катастрофическом положении. Какую "аксиому" можно вывести отсюда? Собственно, никакой. Можно себе представить, что русский человек сегодняшнего дня окажется нечувствительным даже и к плачам расчленения России. Но можно представить и иначе: то душевное настроение, которое на русском языке определяется термином "отчаянность": пропалать, так стреском. Тем более, что советская власть может разбудить в массах, так сказать, "репарационные инстинкты": уж, теперь то мы грабанаем! Нас грабили а теперь, уж извините, и наш черед настал.

Государственные мужи Запада, как мы теперь знаем совершенно точно, не учли целого ряда факторов, о которых русская эмиграция, почти исключительно правая эмиграция, их в свое время предупреждала. Теперь "мужик" находится в тупике. "За Правду" права: за последние года два положение Запада укрепилось в очень значительной степени. Кроме того, положение Советов стало почти катастрофическим. Сейчас мужи САСШ занимают по преимуществу предвыборной кампанией. Институт Галупа определяет шансы этих мужей так: генерал Эйзенхауэр — 28%, мр Г. Труман — 13%, ген. Мак Артур — 13%. Когда выборы будут заочнены, целый ряд явлений американской политической жизни, связанных с выборной кампанией, исчезнет, надо полагать, и расчленительные комитеты. Нам, русской эмиграции, нужно бы в эту "эпоху" проявить максимальную тактическую гибкость. "Не мешать" там, где помешать вечно не удастся, поддерживать

объективно существующих "лопучиков", и, в первую голову, заботитесь яоб одном: о свержении советской власти. И о помощи — хотя бы временной — тем, кто ее может свергнуть. Или, может помочь свергнуть.

К сожалению, русская эмиграция — больше, чем кто бы то ни было иной в этом мире — блуждает почти в непроходимых джунглях, поросших самыми невероятными тотемами и табу. Таким образом, ни о тактике, ни о "маневренности", нечего и говорить. Хотя, можно было бы взять пример хотя бы с тех же САСШ — вот ген. Франко терпеть не могут, а все таки признали...

За всем этим есть один фактор, недооценивать который было бы проявлением "преступного пессимизма". Победа Сталина НЕ исключена, но НЕвероятна. Оттяжка войны на 50 лет НЕ исключена, но совершенно неправдоподобна. Война все таки будет. И русский народ — или население СССР, или народы России, или, как хотите, — получают в свои руки не только избирательные бюллетени, но и пулеметы к ним. Если считать новую эмиграцию каким то отражением внутри-русских настроений, если учесть ее зависимость от всяких комитетов, если учесть нутряное отращивание и проверенную десятилетиями неависть ко всему социализму, и так далее, и так далее, то мы можем с полной уверенностью сказать: подавляющее большинство России стоит за Народную Монархию. Это, конечно, не аксиома. Однако, и сомнений тут нет никаких.

Иван Солоневич.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАША СТРАНА

Буэнос-Айрес

Аргентина

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ
Часть 1.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 1. Основные положения.
Цена 1.50 ам. долл.

Часть 2. Дух народа.
Цена 1.50 ам. долл.

В ПЕЧАТИ:

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 3. Киев и Москва.

Проф. М. В. Зызыкин
ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I
Цена 3.00 ам. долл.

Проф. Б. Ширяев (А. Алымов)
ДИ-ПИ В ИТАЛИИ
Цена 2.50 ам. долл.

Заказы адресовать:
VSEVOLOD DUBROWSKY
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires, Argentina

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступили в продажу
"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ
НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
- Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 3 песо.

*) Долговременная огневая точка.

Л. Норд.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЫШИНСКОМУ

Господин Вышинский!

Я бы никогда не напомнила Вам о себе, если бы не услышала Ваше выступление по вопросу о нас, беженцах.

В те времена, когда мы с Вами познакомились в доме Валерия Ивановича Межлаука, Вы не были ни министром, ни верховным прокурором СССР, а только сотрудником Наркомюста и я могла разговаривать с Вами, как с простым смертным.

Мое мировоззрение тогда ничем не отличалось от мировоззрения любой советской женщины. Во время революции, мне было всего десять лет. Училась я и начала самостоятельно мыслить, уже при советской власти.

Я искренне верила в возможность построения социализма и бесклассового общества. Верила Советской власти, обещавшей дать всему народу счастливую и зажиточную жизнь в будущем. Поэтому мирилась с такими тяжелыми явлениями, как разорение крестьян, перманентный голод, сталинские беспризорные дети во всех городах Союза и т. д., считая это временным и неизбежным злом переходного периода.

Не будучи ни комсомолкой, ни членом партии, я не по нажиму, а по собственному желанию прочла много политической литературы от утопистов Фурье и Прудона до Канта, Гегеля, К. Маркса, Ленина, Сталина. И на университетских экзаменах сдавала политграмоту лучше партийных коллег. Будучи свобододолюбивой по натуре, я с энтузиазмом повторяла изречение М. Горького: "человек — это звучит гордо".

Но, увы, чем дальше, тем больше я чувствовала советские тиски, прижимающие мои человеческие права. Возьму простой пример: потому, что мой муж занимал в то время ответственный пост, я не могла вести знакомства с кем хотела, приглашать многих моих личных знакомых в дом, ибо это было "не этично" по отношению к той среде, где я вынуждена была вращаться.

Я даже должна была быть очень осмотрительна в моих отношениях с коллегами по университету, и не раз мужу ставили на вид мою общительность, после чего у нас с ним бывали сильные споры.

Во время каникул я не могла принять участие в студенческих экскурсиях, даже поехать на тот курорт, куда хотела, не говоря о "безумной мысли" отдохнуть в какой-нибудь деревушке, на лоне природы. Я могла отдыхать только в Домах Отдыха и санаториях для работников Наркоматов.

Постепенно я поняла, что принадлежу к определенной касте, у которой нет и не должно быть связи не только с широкими массами советского народа, но и с рядовой интеллигенцией.

Присматриваясь к жизни других слоев советского общества, я увидела, что и в материальном и правовом отношении она сильно разнится от нашей. Но всю разительность этого контраста я узнала позже, когда сама стала парней.

Это произошло в 1937 году. Падение — сверху на самое дно, как Вы знаете, было неожиданным и молни-

енным. Все это совершилось в одну ночь. Была разбита и семья и жизнь. Тогда я узнала, что у советских граждан фактически нет никаких прав, хотя они были перечтены в конституции и о них так много кричала советская пропаганда, и это подтвердили мне Вы, господин Вышинский.

Вы были уже на месте Крыленки. Я пришла к Вам, чтобы узнать официально, что с моим мужем. Добраться до Вас тогда уже было трудно, но я с женской настойчивостью преодолела препятствия. Я знала, что дистанция между нами теперь неизмерима и мне не приходило в голову назвать Вас, как раньше, по имени и отчеству или поздороваться с Вами за руку.

Кроме сведений о муже, я надеялась узнать от Вас — за какую статью советского закона я должна была зацепиться, чтобы моя семья могла существовать.

Эта последняя встреча с Вами, по сей день жива в моей памяти.

Когда я вошла к Вам в кабинет, Вы откинулись на спинку кресла и, взглянув на меня с головы до ног ледяным взглядом, спросили: мою фамилию, имя, отчество, и что я от Вас хочу.

Во мне все закипело, но я сдержала себя.

Вы порылись в какой-то папке, делая вид, что наводите справки, потом, избегая моего взгляда, сказали:

"Ваш муж был врагом народа и агентом иностранных разведок. Он отказался подписать предъявленные ему обвинения, но справедливая рука советского правосудия наказала его — он расстрелян".

Разве это не дословно, господин Вышинский?

Когда я спросила, имею ли я право на ордер, чтобы получить хоть какую-нибудь крышу для детей, или хотя бы отсрочку нашего выселения на улицу из казенной квартиры, — Вы процедили сквозь зубы:

"Нет".

То же отрывистое "нет" было ответом на другие вопросы.

Потеряв самообладание, я Вас спросила:

"Значит нам всем надо броситься под поезд, или я должна отравить себя и себя?"

На это Вы не сказали "нет", а пожали плечами, как бы говоря: "это Ваше личное дело".

Целя к Вам, я не ждала от Вас ни помощи, ни сострадания. В советских условиях, Вы не могли этого сделать. Но из простой человечности, не надо было стараться добывать меня морально.

Вы прекрасно знали, что никаких преступлений против власти я не совершила, что предъявленные мужу обвинения ложны и его расстрел был не карой, а просто убийством.

В этом я убедилась в процессе моего следствия по тем "уликам в соучастии с мужем", которые мне следователи НКВД предъявляли. И если бы я была действительно женой преступника, то меня бы не выпустили. Но на мое счастье в то время уже закончилась очередная кампания сечения голов.

Семья моя, слава Богу, успела. Для нее я должна была жить. По советской конституции мне было обес-

печено право на труд, но я не могла получить не только работы по специальности, а и вообще мало-мальски подходящей, ибо я была под следствием и муж был расстрелян.

Борьба за существование была очень тяжелой. С грехом пополам мне удалось зацепиться за первую ступеньку жизненной лестницы, вскарабкаться на нее. Преодолела еще несколько ступенек. Но в любой момент меня могли сбить пинком вниз. До верха, даже относительного, мне было еще очень далеко, но к этому я и не стремилась, — главное — я выкарабкалась со дна.

Советское дно, куда Вы, господин Вышинский, столкнули по приказу Политбюро, сотни тысяч трудолюбивейших, талантливейших и честнейших людей, гораздо страшнее Горьковского "Дна", ибо из последнего, каждый скалившийся туда, мог при напряжении своей воли вылезть. Выбраться же из советского, помимо желания власти, можно было только с большим риском, при редкой удаче.

Слепой случай, или воля судьбы, вскоре заставили меня подняться еще выше, скажу больше, — мне оставалось сделать один шаг, чтобы снова попасть в ту же касту.

Но этого шага я не сделала. Душой я осталась на дне, где фактически, к тому времени, оказалось большинство русской интеллигенции, а сердцем у тех могил, местонахождение которых знают только несколько высших работников МВД, да Вы...

От Вас, господин Вышинский, я получила путевку в школу жизни. И я изучила советскую действительность так же глубоко и внимательно, как раньше теорию коммунизма. И убедилась, что первое не имеет ничего общего со вторым. Аттестата за окончание этой школы я не получила, но зрелость — полную.

"Права не дают, — их берут" — учили Вы меня когда-то. Вот и я взяла себе право жить в свободном мире.

Господин Вышинский! Вы слишком умны, что бы быть фанатиком. Ваша эрудиция позволяет Вам видеть людей и вещи такими, каковы они есть в действительности. Вы так часто бываете за границей, прекрасно знаете жизнь капиталистических стран и с удовольствием пользуетесь всеми благами здешней жизни. Поэтому Вы не можете не согласиться в душе, что все мы поступили очень умно, не вернувшись в СССР, а также отлично понимаете и тех, кто бежит сейчас на запад из советского рая.

От агентов вашей разведки Вы знаете, что все мы живем так, как советским гражданам и не снится, и пользуемся той же подлинной свободой и такими же правами, как и коренное население приютивших нас стран.

Мы, — невозвращенцы, — не сомневаемся в том, что называя нас, в своем выступлении, "братьями и сестрами", скорбя (на словах, конечно) о нашей "горькой участи, оторванных от родины" и т. д. Вы рассчитывали подействовать на мировое общественное мнение, а никак не на нас. Вы не так наивны, чтобы не знать, что никакое сладкоречие, ни обещание всех жизненных благ не смогут нас заманить снова в СССР, что мы

ваши враги как и весь русский народ, который вы только силой держите в подчинении и бесслышанно эксплуатируете.

В то, что Вы очень хотите нашего возвращения в СССР, — мы верим. Это очень облегчило бы работу МВД. Не нужно вылавливать и уничтожать нас по одиночке. Всех скопом — и проще и легче, а главное у себя в подвалах УГВ—МВД, без широкой огласки.

Мы — бельмо на глазу советской власти. И Вы прилагаете все усилия, чтобы его срезать.

В 1945 году, Политбюро, зная о миллионах советских граждан, как военнопленных, так и депортированных немцами ОСТ-ов, находившихся на территории Германии, предполагало, что из них добровольно вернется в СССР очень малый процент. А невозвращенцы разъедутся по разным странам и, конечно, там расскажут правду о советской действительности и о лжи советской пропаганды.

Поэтому Сталин поспешил заключить с союзниками договор о принудительной репатриации всех советских граждан.

Заранее предвидя сопротивление репатрируемых и боясь, что общественное мнение может оказаться на нашей стороне, Вы поспешили заявить, что "отказаться вернуться на Родину могут только преступники".

Союзники поверили Вам и старались честно выполнить этот договор. И, что получилось? Люди стрелялись, вешались, перерезывали себе горла и вены, прыгали с машин в пропасти, сжигали себя, — предпочитая смерть возвращению на "Родину". Кровавые трагедии Лненца, Дахау, Платтингена Вам, господин Вышинский, так же хорошо известны, как и всему миру.

В советские лагеря союзники загоняли нас танками и штыками. Но мы бежали и оттуда. Ваши представители репатриационных миссий ловили нас на улицах арканами, впахивали в машины и увозили туда, откуда никто живым не возвращался.

Мы боялись ходить днем по дорогам. Прятались в зарослях и лесах. Мы, голодные, затравленные, прибежали к австрийским и немецким крестьянам, умоляя спрятать нас на чердаках и сеновалах. И пусть Господь благословит тех, кто нас спасал!

Наконец союзники поняли, что ведь не могут же сотни тысяч людей, отказывающихся ехать домой, быть все поголовно преступниками и догадаться, что в нежелании репатрироваться кроются другие и очень важные причины. Насильственная репатриация была прекращена и мы смогли получить приют в лагерях УНРА.

Политбюро не захотело примириться с этим. Союзному командованию стали присылаться "черные списки" с фамилиями тех советских граждан, которых удалось обнаружить в лагерях вашим сексотам. НКВД приклеивало к каждой фамилии соответствующее преступление и на этом основании Вы требовали выдачи этих людей.

Эта провокация сорвалась сразу, потому что на Западе кроме обвинения человека, нужно признание им этого обвинения и, неоспоримые с юридической точки зрения, улики.

Здесь оклеветать человека трудно, а оправдаться невинному — легко.

Тогда Вы снова изменили тактику и стали безуспешно зазывать нас носулами домой. Вашим пропагандистам работа эта была тяжела, ибо им часто приходилось прибегать к заступничеству англичан и американцев; что бы не быть избитыми жителями лагерей, и даже разорванными на части, ибо в е знали, как дешево для Политбюро ласковые и громкие слова и обещания всех благ, но как они дорого обойдутся тем, кто им поверит.

Мы были прекрасно осведомлены теми, кому посчастливилось ударить из проверочных лагерей НКВД, или по пути в ссылку, как Вы "приняли" тех, кто первыми, по своей охоте, вернулся домой. А ведь среди них было много вывезенных немцами еще полудетьми. И в Германии они работали очень тяжело и, действительно на положении рабов. Чем же они провинились перед советской властью?

Где большинство репатриированных военнопленных, прошедших годы в нечеловеческих условиях германских лагерей?

Где влаговцы, которым советским правительством была также обещана полная амнистия, если они согласятся вернуться в СССР?

Учтите, господин Вышинский, — если у живущих в СССР нет возможности иметь правдивые сведения о том, что творится за пределами Советской страны, то мы, живя в свободном мире, куда ваши люди бегут непрерывно, спасаясь от созданного Вами рабского режима, всегда можем узнать от них правду. И мы знаем, что вы сделали с побывавшими за-

границей советскими гражданами, которые снова попали в ваши руки.

Почему Вы, г-н Вышинский, не проявили хоть долю участия, столь щедро расточаемого Вами теперь по отношению к нам и совершенно нам не нужного, — к горькой доле этих несчастных людей?

Вы "скорбите" о русских детях, которые хотя и живут за границей, но окружены заботой и имеют куда больше возможностей и детских радостей, чем дети, живущие сейчас в России. А мы скорбим (и не лицемерно) о тех, разлученных с семьями детях, которые умирают с голода, надрываясь на работе в детских изоляторах МГБ—МВД.

Мы любим Россию и наш народ — безгранично! Мы, не задумываясь, отдадим наши жизни за свободу и счастье русских людей. Но мы не вернемся туда, пока там будет существовать коммунистическая диктатура, хотя бы Вы и действительно гарантировали бы нам безопасность возвращения и осыпали бы нас золотом. Мы все равно не сможем примириться с вашей системой порабощения людей. А на советском золоте — кровь русского народа.

Мы бесконечно благодарны правительствам и народам приютивших нас стран. И — больше всего за то, что здесь каждый из нас может с гордостью сказать:

— Я — человек, а не раб, и не раба.

Л. Норд

11.1.52 г.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
"НАШУ СТРАНУ"

Борис Ширяев

Тропинки и Путь

Комплекс идей Народной Монархии, основы которого формулирует в своем труде И. М. Соловьевич, несомненно выходит далеко за рамки того, что он может уместить на страницах "Нашей Страны". Несомненно и то, что разработка его в дальнейшем потребует усилий многих и очень многих, мыслящих в том же плане, людей и некоторое разномыслие неизбежно. Более того, оно желательно, так как здоровая дискуссия (но не полемика) осветит и облегчит наш дальнейший путь. Вот те основания, в силу которых я считаю нужным возразить глубоко уважаемому мною В. Рудинскому на его статьи о возможной и вероятной с его точки зрения внешней политике Свободной Монархической России. Повторяю, не полемика, но дискуссия.

Религиозно-политическая идея охраны Европейского (тогда всеобщего) мира братским союзом наследственных монархов, выдвигая Александром Первым в 1815 году, была тотчас же извращена Меттернихом и поставлена им на службу феодальной лоскутной Австрии в ущерб интересам России. В семидесятих годах прошлого столетия, под давлением Англии и по данному ею образцу, вопреки русской традиции, были сохранены деспотии Хивы и Бухары. Примером для них служили владения индийских раджей. Результат был очень печален. В 1912 году книги полковника Генерального Штаба Логофети открыли России и миру этот позорный

гноиник на ее теле. Скандал был большой, компрометировавший Русскую Монархию, отступившую на этот раз от своей вековой традиции.

Глубоко уважаемый мною В. Рудинский вглядываясь в возможное будущее Российской Народной Монархии, предвидит не только дружеские отношения, но и поддержку Россией других возможных монархий вплоть до... феодальной деспотии Негуса и французских марионеток в Индо-Китае, основываясь на общности монархического принципа и "близости" православия к абиссинским еретикам — монофизитам, осужденным Вселенскими Соборами.

Подобные суждения не новы. В конце восьмидесятих годов прошлого века была даже реальная попытка сближения с абиссинскими "единоверцами" (?). Эта авантюра тоже окончилась трагикомическим анекдотом бросившим тень на Российскую Монархию.

В чем же ошибка близкого мне по мышлению В. Рудинского?

В том, что он не отделяет доминанты Российской Народной Монархии от монархического принципа "вообще". В том, что он смешивает идею построения Российской Народной Монархии будущего с отжившими, безусловно погибшими формами сословных монархий и даже деспотий.

Нет! Предоставим поддержку и защиту (а также эксплуатацию) этих реакционных последышей "безупречным" демократиям: французской —

те времена читали специальные молитвы: "От вверности норманнов спаси нас, Господи". До варягов и после варягов всякая попытка завоевания русской равнины вызывала многолетнюю, иногда и многовековую, резню. А тут — такая, можно сказать, культурность в обращении! Я думаю, что и о теории призывания и о теории завоевания просто и говорить не стоит. Но у Ключевского есть короткий, тусклый и не очень внятный намек на одно обстоятельство, которое во всей истории России играло, играет и будет играть решающую роль.

Наш историк пишет: "В дружине киевского князя мы находим, рядом с туземцами и обрусевшими потомками варягов, торков, берендеев, словенцев, хозар, даже евреев, угров, ляхов, литву и чужд" (Т. 1. стр. 197).

Этот киевский интернационал, конечно, безмерно важнее Рюрика с его сундуками. Ибо именно он является первым указанием на то основное свойство русской государственности, которое и определило ее судьбу, начиная от Новгорода и кончая Петербургом: Это свойство я бы назвал так: умение уживаться с людьми.

Если вы предпочитаете политическую терминологию О. Шпенглера, — это свойство вы можете назвать "бесформенностью славянской души". Если вы предпочитаете историческую терминологию Достоевского, — можете говорить о "всечеловечности". Если вам нравится философская, — то вы можете использовать шупартовский "иоаннический эон", эон, конечно, звучит наиболее здорово. Я предпочитаю оперировать термином уживчивость.

Как и все в этом мире, — ограничена и русская уживчивость. Граница проходит по другому термину, который я определил бы как "не замай": уживчивость, но с некоторой оговоркой. При нарушении этой оговорки происходит ряд очень неприятных вещей — вроде русских войск в Казани, в Бахчисарае в Варшаве, в Париже и даже в Берлине. Русскую государственность создали два принципа: а) уживчивость и б) "не замай". Если бы не было первого — мы не могли бы создать Империи. Если бы не было второго, то на месте этой империи возник бы чей-нибудь протекторат: претендентов в протекторы у нас было вполне достаточно количество — даже и без Рюрика и его сундуков.

ский смысл. Она была записана уже в христианское время, следовательно, божественное происхождение отпадало, а — при тогланшем состоянии исторической науки — до "пресветлого корня" просто еще не додумались.

О весталке и Марсе сейчас, кажется, не спорит никто. О варягах все еще спорят. Наши историки в течение лет по меньшей мере двухсот вели спор на эту тему. Этот спор можно было назвать совершенно бессмысленным, если бы обе спорящие стороны не защищали бы совершенно конкретных политических программ сегодняшнего дня.

Проф. Виппер, анализируя труды некоторых германских историков древнего Рима, с очень большой степенью убедительности продемонстрировал то прискорбное обстоятельство, что к истории древнего Рима все эти труды собственно никакого отношения не имели. Они, эти труды, имели целью показать на древнеримском примере спасительность той германской партийной программы, какую разделял данный историк. Проф. Виппер писал до той эпохи, когда "марксистская историография" консолидировалась в окончательный шулерский притон. Но скромные зачатки этого притона существовали, оказывается, и в досталинские времена. Люди коверкали, извращали, фальсифицировали римскую историю, чтобы ее иллюстрациями подкрепить свои партии. По точно такой же схеме действовали и русские историки. Таким образом, историю русской историографии целесообразнее всего начать с тех же варягов.

История русской общественной мысли от Рюрика и Сенеуса до Ленина и Сталина, разделилась; собственно говоря, на две — очень неравные части. Одна, меньшая, говорила: мы более или менее сами по себе. Другая, большая, говорила: нам без немцев нет, не было и не будет никакого спасения — под немцами подразумевались и немцы просто, и немцы вообще — всякие иностранцы, немцы в московском смысле этого слова — обитатели западноевропейских культурных стран. На "немецкой стороне" стояла "вся наука", ибо наши славянофилы, не смотря на все их потуги быть "тоже наукой", были только публицистикой. Правда, пока что правильно предвидели именно они, но до "науки" они все-таки не дослужились. Правда, отец всей нашей науки Михайло Ломоносов от варяжской теории на

в Индо-Китае, английской — в Абиссинии и прочих экзотиках. Разом, теперь же, отмежеваемся от всех видов, всех осколков подлинной реакции тяжкого, вредного консерватизма! Мы служим будущему России на основе ее Российского прошлого и настоящего! И только России! Дела слава Богу, хватит!

Идея Российской Народной Монархии — не "экспортный товар". Она выношена всей жизнью многоплеменной и надплеменной российской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя бы частично реализовать ее. Для этого нужно иметь Дух Российской Нации: ее религию, ее историю, ее величие, ее падения, ее скорби, ее радости — ее трагически величавый путь во времени и пространстве.

Может ли этот Путь быть сопоставленным, сравнимым, а тем более слитым, с бездорожьем Сямских джунглей, тропинками абиссинских расов и даже с горными стежками балканских ущелий?

Доминанта Народной Монархии есть революционная идея нашей эпохи, имеющая в идеале построение государства нового типа, чуждого в равной мере и сословной ступенчатости и партийно-парламентской сословности, — уходящих в небытие государственных систем. Она революционна потому, что содержит в себе раскрепощение человеческой личности от кабалы сословных, экономических и партийно-политических организованных групп (коллективов). Понять это, вообразить и освоить можем только мы, полностью испытавшие на собствен-

Вместо Обзора Печати

СТРАННАЯ ПЕРЕПИСКА

В конце 1951 года Тито выслал из Югославии в Болгарию группу бывших русских эмигрантов. Всем высланным было предъявлено обвинение в сочувствии большевикам. Советская Болгария гостеприимно приняла высланных и предоставила им службу. Об этом поведал миру сотрудник "Нового Русского Слова", под прозрачными инициалами которого легко угадать известного русского белградского журналиста, ныне проживающего в Нью-Йорке.

Этот журналист откровенно пишет в "Новом Русском Слове", что о судьбе высланных в Болгарию его осведомляет один из высланных. Этот осведомитель не только весьма подробно перечисляет имена и занятия всех высланных, он даже сообщает, что "некоторые из нас решили из Болгарии вернуться на родину, но оказалось, что одной географической близости мало".

Эта подробность — желание "вернуться на родину", при наличии в пей Сталина и МГБ — говорит сама за себя. Очевидно, Тито, поссорившись со Сталиным, знал, от кого и почему он хочет избавиться. Удивительно не это удивительны откровенные

в опыте все "прелести" сословной партийности (крепостного права и его пережитков) и партийной сословности (торжествующего социализма), рабства прошлого и рабства современного.

Борис Ширяев

письма, приходящие в Нью-Йорк из Болгарии, еще интереснее было бы знать, что пишет из Нью-Йорка в Болгарию сотрудник "Нового Русского Слова". Можно ведь предположить, что в ответ на сведения об общих знакомых, сообщаемые ему из Болгарии, он так же подробно и откровенно сообщает своему корреспонденту в Болгарию сведения об общих знакомых, находящихся в Нью-Йорке. А МГБ потирает руки...

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОСВЕДОМИТЕЛИ

Вовсе не нужно быть агентом МГБ для того, чтобы вести легкомысленную переписку сквозь "железный занавес". Нам известно, например, что такую переписку еще совсем недавно вел из одной заокеанской страны православный епископ, принадлежащий к белорусской иерархии. Его корреспондентом был архиерей возведенный в этот сан в Москве, для одного из лимитрофных государств, подпавших в 1944 году под власть Сталина. Совсем недавно этот архиерей скоропостижно скончался в столице лимитрофного государства и переписка оборвалась. Кто знает, какой вред она причинила?

В окрестностях Парижа живет престарелый эмигрант, член парижского Союза Русских Писателей и Журналистов. И он ведет все эти годы, после окончания войны, оживленную переписку "сквозь железный занавес". Года три тому назад он, по просьбе своих корреспондентов отсюда, собрал и послал им адреса русских

эмигрантов, покинувших страну, завещанную Сталиным, в которой этот парижанин и сам жил до войны. Кому он этим оказывал услугу?

Общество Галлиполийцев в Париже издало, к тридцатилетию со дня своего основания, брошюру, посвященную генералу Кутепову и его боевой организации. Критский рассказывает, что "незадолго до своего похищения Кутепов ездил за границу на свидание с тремя новыми лицами, приехавшими из СССР... При этом свидании один из трех, воспользовавшись минутой, когда он остался с генералом наедине, шепнул ему, что в ближайшем будущем на него готовится покушение".

Если бы М. Критский ограничился эти сообщением, можно было бы ему верить или не верить, но его ни в чем нельзя было бы упрекнуть. К сожалению, он прибавляет точное указание: "Этот третий был прежний подчиненный Кутепова".

Кому такая подробность нужна? Только МГБ... Отговариваться давностью М. Критский не имеет права.

Х.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венеция — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. цент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п.

В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.

стенку лез. Но во времена Ломоносова, точно так же, как и теперь, нет решительно никакой возможности ни доказать, ни опровергнуть теорию призвания варягов. И во время Ломоносова — точно так же, как и теперь — эта теория была использована воинствующим германизмом для доказательства государственной, культурной и прочей одаренности германского народа, следовательно, для его права, снова "прийти, княжить и владеть".

Из попыток реализации этого права ничего не вышло в 1917 и в 1945 году. Ничего не выйдет и в какой то другой, нам еще неизвестный, но, все таки, еще вероятный год. Варяжская теория пока что поставлена на лед — калыгешельт, как говорят немцы. Очень вероятно, что последующие поколения попытаются ее разогреть.

В этой легенде — или теории — есть несколько занятных сторон. Самая занятная из них заключается, может быть, в некоем, так сказать, чисто семейном моем событии. Жена моего сына — шведка. И когда я ей рассказывал о Рюрике, Синеусе и Труворе она высказала подозрение, что тут что-то напутано: Синеус, вероятно, обозначает семью, дом, домочадцев, а Трувор, вероятно, обозначает скарб. Действительно, по-шведски сына хус — значит "с домом", а Трувор очень похож на Труэ — сундук, скарб, с к р ы п и ю, как называли этот предмет мебели на Украине. Итак, пришел Рюрик и стал княжить в Новгороде, его семья в Изборске, и его сундук в Белоозере. Эта точка зрения может объяснить совершенно бесследное исчезновение и семьи и сундука со страниц летописей. Несколько труднее объяснить тот факт, что за двести лет полемики ученые мужи не догадались заглянуть в шведско-русский словарь.

Другая:

Лет за сто до записи нашей летописи о призвании варягов, английский летописец записал такое сказание: британские племена кедовольные собственными раздорами, обратились к норманским, то есть, варяжским, братьям Генгисту и Горзе с приглашением: *Terram latam et spaciosam, omnia rerum copia refertam, vetrae mandant ditione parere.*

Перевод: земля наша велика и обильна, порядка в ней нет, придите княжить нами.

Литературными плагиатами люди занимались, оказывается, и тысячу лет тому назад.

Варяжские князья, конечно, были. Как они попали на Русь, мы надо полагать, никогда не узнаем. Единственно, что мы можем установить твердо — это, что они растворились быстро и совершенно бесследно, что варяжский язык, нравы и прочее никакого влияния на туземные племена не оказали. Если бы было завоевание, то оно потребовало бы значительных человеческих сил, и эти силы бесследно не исчезли бы. Так варяги Елигельма Завоевателя, завоевав Англию, во-первых, закрепили все ее население. Памятником этого закрепощения и до сих пор служит *Doomsdaybook* — Книга Страшного Суда, в которой был записан и закреплен раздел земли между победителями и которая и до сих пор служит чем то вроде юридического справочника при решении некоторых земельных споров. Чудовищные земельные богатства английской аристократии и до сих пор основаны на праве завоевания и на пергаменте Думсдейбука. Приблизительно до 16 столетия норманское наречие французского языка было официальным языком правящего слоя Англии. В некоторых церемониях оно осталось официальным языком и сейчас. Английский язык есть смесь языков д в у х завоевателей — датских и норманских. Язык коренного населения страны исчез почти бесследно. Правда, еще и м-р Ллойд Джордж в своем детстве говорил на кельтском, уэльском наречии, но на конструкцию современного английского языка оно не оказало никакого влияния. У нас от варяжского языка осталось несколько терминов, происхождение которых можно объяснить, как вам будет угодно. Слово князь можно производить от варяжского "конунг" и от татарского "хан", — по хазарски "каган", или, еще дальше, по древнееврейски "коган". Это — вопрос вкуса.

Таким образом: пришли завоеватели. Ничего похожего на, скажем, битву при Гастингсе тут не было. Никаких книг страшного суда составлено не было. Никаких разделов имущества побежденных не происходило. Никакого лингвистического влияния оказано не было. Повидимому, не было и никакого сопротивления со стороны побежденных. Вообще, варяги в качестве завоевателей являют собою истинно радостное исключение в истории России и мира. В переквах Западной Европы в

Проф. М. В. Зызыкин

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Гоголь и Царская Власть

3

Так же очаровал все уездное общество своей холодной рассудительностью Чичиков.

В нем нет ничего поэтического, что есть в Хлестакове, это сама истина русской действительности. В своей книге "Гоголь и чорт" Мережковский пишет: "В Хлестакове преобладает принцип движения, в Чичикове принцип равновесия, постоянства. Сила Хлестакова в лирическом импульсе, в самоощущении. Сила Чичикова в спокойной рассудительности, в умеренности. В Хлестакове чрезвычайная легкость, в Чичикове чрезвычайная важность. Хлестаков созерцатель, Чичиков делец. Хлестаков идеалист, Чичиков реалист. Хлестаков либерал, Чичиков реакционер. Хлестаков есть поэзия, Чичиков истина русской действительности. При всем их контрасте, их скрытая сущность одна и та же. Это два родных брата, сыновья XIX века. Их общая черта — посредственность, совершенная пошлость, вульгарность и пошлость. Это два титана, рожденные на русской равнине, два воплощения вечного и универсального зла — дьявола. Девиз Чичикова — приобретение. Самое важное для Чичикова собирать и хранить копейку. Копейка никогда не изменит, все можно сделать с нею. Это завет отца Чичикова и всего XIX века. Вот солидная основа противопоставленная всем метафизическим и богословским химерам прошлых веков. Сила денег для Чичикова, это сила духа, мысли, воли.

Стремление к легкой наживе, без нарушения явного закона, это девиз Чичикова, это своего рода героизм, жертвенность. И когда губернатор заявляет ему: "ты будешь отдан под суд, отведен в острог и там наряду с последними мерзавцами и разбойниками будешь ожидать судьбы своей", — то Чичиков ему отвечает: "Бог свидетель, я хотел иметь жену и детей, исполнить долг человека и гражданина, чтоб потом заслужить уважение своих граждан и начальства. Ваше Сиятельство, кровью гадо было добывать насущное существование. Вся жизнь была точно вихрь буйный или бег судна через волны по воле ветра. Я человек. Ваше Сиятельство, с кровавым терпением зарабатывал я свою копейку трудом, я никого не ограбил, не опустошил чужого чемодана, где же божественная справедливость, где награда за терпение, за общепризнанное постоянство. Я каждую копейку добывал со всеми силами души своей".

Эта страсть к легкой наживе ради составления уютной жизни, подобна страсти к подвигам ради прекрасной дамы Дон-Кихота, рыцаря другой эпохи и другого народа. Почтенный старец, добродетельный откупщик Мурашов говорит Чичикову: "Павел Иванович, вы должны бы быть великим человеком, вас остепенило это имущество, из за него вы не слышите бедной своей души. Дело не в этом имуществе, которое могут конфисковать, а в том, которое никто не может уgrabить и отнять. У вас есть чем прожить остаток вашей жизни, поселитесь себе в тихом уголке, поближе к первым и к простым добрым людям. Если эпобит сильное желание оста-

вить по себе потомство, женитесь на небогатой доброй девушке, привыкшей к умеренности и к простому хозяйству, забудьте этот шумный мир и все его общественные прихоти, пусть и он вас забудет, в нем нет успокоения, вы видите: все в нем враг, искusstель и предатель".

Чичиков поспешил уехать из города, где его освободило из тюрьмы заступничество добродетельного откупщика и чиновников, а в уездном обществе пошла сплетня о том, кто это был; одни говорили, что это был фальшивомонетчик, другие, что капитан Конейкин, который остался без руки и без ноги на службе отечеству, без пенсии и искал себе обрабатывать жизнь разбоем во главе шайки; а кто говорил, что это был сбегавший со Св. Елены Наполеон, причем сравнивали чичиковский профиль с Наполеоном, которого выпустили англичане из вечной зависти к богатствам России, а через час по отъезде Чичикова в специально составленном собрании всех чиновников, генерал-губернатор сказал блестящую речь.

В этой речи Гоголь устами генерал-губернатора разъяснил необходимость военного суда для расчистывания всего нукла отношений, создавшихся в связи с Чичиковской эпопеей. (В параллель появлению жанدارма в "Ревизоре").

"Уезжая в Петербург, я почел приятным повидаться с вами со всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень сложное и интересное... Дело это повлекло за собой открытие и других, в которых замешались даже, наконец то, и такие люди, которых я почитал доселе честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом все, чтобы оказалась полная невозможность решать дело формальным порядком. Знаю даже и кто главный и чем сокровенным... Хотя он очень искусно скрыл свое участие, но дело в том, что я намерен это слатить не формальным путем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное время, и надеюсь, что Государь даст мне это право, когда я изложу все дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят шкафы с бумагами, и наконец, излишеством ложных посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно темное дело, я полагаю военный суд единственно средством и желаю знать мнение ваше... Само по себе, главным значительным должно последовать лишение чинов и имущества а прочие отрешение от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадают и множество невинных. Что же делать? Дело самым бесчестным и вопиет о правосудии. Знаю, что никакими средствами, никакими страданиями, никакими наказаниями нельзя искоренить несправдливости: она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки стало необходимою и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти против всеобщего течения. Но я теперь должен, как в религиозную священную минуту, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем, — я должен сделать

Политическая хроника

ПОСЛЕ НЕУДАЧИ СОНР

Из достоверного источника нам сообщают:

Попытка Американского Комитета Освобождения Народов России создать организацию, которую первоначально было предложено назвать Советом Освобождения Народов России, закончилась к декабрю 1951 года полной неудачей. Группа С. П. Мельгунова и большинство членов группы А. Ф. Керенского не только порвали свои отношения с Американским Комитетом, но и выступили в печати против этого Комитета и, особенно, против его представителя в Европе, Айзека Дон Левина. Солидаристы до конца прошлого года не отреклись от своего участия в попытке создания СОНР, но невозможность их дальнейшего сотрудничества с Американским Комитетом подтвердилась теми крайне резкими выражениями, в которых Дон Левин говорил о солидаристах и о газете "Посев" в своей полемике с А. Ф. Керенским. Таким образом, к концу прошлого года, Американский Комитет мог рассчитывать только на поддержку некоторой части членов Лиги Борьбы за Народную Свободу (преимущественно на сотрудничество Б. И. Николаевского) и на Мюнхенскую группу т. н. левых властителей во главе с Б. Яковлевым Нарейкисом. Созданные Американским Комитетом т. н. национальные группы вроде Украинского Освободительного Движения, Армянского Союза Борцов за Свободу и др. могут в расчет не приниматься, настолько их медленный вес ничтожен в кругах той нерусской эмиграции, от имени которой они хотят говорить.

Полная неудача СОНР не означает, однако, отказа Американского Комитета от достижения той цели, которую он себе поставил, а именно от создания организации, объединяющей русские и нерусские эмигранты и функционированию пропагандного аппарата не прерваны и не решены лишь вопросы о том, как будет называться организация, от имени которой эта пропаганда будет вестись, и из кого она будет состоять. Айзек Дон Левин остается в Европе тем лицом, которому Американский Комитет получил разрешение этого вопроса. Он делает в настоящее время новую попытку его разрешения в опоре на тот технический персонал, который привлечен к предстоящей работе. Из русских в состав этого технического персонала вошли исключительно новые и т. н. новейшие эмигранты близкие к СОНР, к Мюнхенской газете "Голос Народа" и к Мюнхенскому Институту по изучению культуры и истории СССР, а также некоторые сотрудники газеты "Посев", не принадлежащие к партии солидаристов.

От имени этой группы лиц заготовлено обращение ко всей политической

эмиграции. Авторы обращения пишут, что "наблюдая с глубоким волнением и скорбью, как недопустимо затягивается создание антибольшевистского политического центра", они призывают "все политические группы всех национальностей" немедленно "оставить свои разногласия по поводу создания Союза Освобождения Народов и добиться единого демократического фронта против большевизма".

Авторы этого обращения считают, что Союз Освобождения Народов может быть создан "на основе двух бесспорных и для всех приемлемых принципов", которые в обращении формулированы следующим образом:

1. Создание на освобожденных от большевизма территориях подлинного народовластия, основанного на народном представительстве и равных для всех политических и гражданских правах;

2. Признание за каждым народом неотъемлемого права свободно решить после уничтожения большевизма, свою судьбу демократическими средствами и с применением всех демократических гарантий.

Нужно отметить, что авторы обращения тщательно избегают упоминания о России и это слово в их обращении не сказано ни разу. Вследствие этого, обращение страдает некоторой неясностью и может производить впечатление, что его авторы обращаются к эмигрантам всех национальностей, поработанных коммунизмом, однако сами авторы обращения называют "беспартийными антикоммунистами, политическими эмигрантами и беженцами из тоталитарного Советского Союза", из чего следует, что говоря о "наших народах" они практически имеют ввиду население нынешнего СССР.

Хотя авторы обращения и требуют прекращения раздоров от "всех политических групп всех национальностей", но, на основании достоверных сведений, можно утверждать, что попыткам сотрудничества между Американским Комитетом и эмигрантскими политическими организациями настал конец, что Союз Освобождения Народов если он будет создан, будет построен на персональном привлечении в его состав тех лиц, которые, по мнению Американского Комитета, могут принять участие в намечающейся широкой антисталинской радио-пропаганде на русском языке и на языках других народов СССР.

Американский Комитет проявляет при этом тенденцию к расширению круга своих связей и к привлечению к пропаганде лиц разного политического направления. Эта тенденция наталкивается, однако, на резкое противодействие со стороны Б. И. Николаевского и той группы лиц, которая хотела бы считать своей монополией участие в американской радио-пропаганде и в американских начинаниях, связанных с "русским вопросом".

Продолжение статьи Б. БАШИЛОВА "МОРЛОКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?" будет помещено в следующем номере.

На складе у всех представителей "НАШЕЙ СТРАНЫ"

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
"ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ"

Цена 2 ам. доллара

клич хотя бы в том, в которых еще есть в груди русское сердце и понятие сколько нибудь слово благодарности. Что тут говорить о том, кто из нас более виноват, Я. может быть, более всех виноват; я может быть, слишком строго вас принял в расчет... по оставям в стороне вопрос, кто более виноват.

(Продолжение следует).

Проф. М. В. Зызыкин.

Característica de los campos de concentración en la Unión Soviética del lado social y económico

(Continuación)

De este conglomerado humano se componen los campos de concentración de la Unión Soviética, cambiando solamente su matiz. Ayer llegaron "los desparramadores de los bienes del pueblo" — hoy "los enemigos del pueblo", — mañana "espías", después "trotskistas", etc. Cada año nueva gente. Ellos no son ni criminales ni delinquentes, todos son los típicos ciudadanos soviéticos, a los cuales "tocó el turno" de trabajar en los campos de concentración. Los que se quedaron en "libertad" — no son ni mejor ni peor de los presos (claro es que excluye la categoría de los homicidas y de los ladrones-profesionales). Ellos igual como a los que "tocó el turno" — sacn las papas recién plantadas, cortan las espigas, cuentan los chistes anti-soviéticos, aunque con la voz baja, y alguna vez, en la rueda de los íntimos amigos — critican las medidas del gobierno. A todos no puede "tocar el turno". Es imposible encerrar todo el pueblo en los campos de concentración. Pero tampoco hace falta, porque en realidad existe otra forma de esclavizar el pueblo — es el sistema de la economía planeada y dirigida por el único dueño — el estado bolchevique. Los campos sirven sólo para

asustar! Y asustan para que no hablan.

Todo lo escrito puedo llamar "Historia abreviada de los campos de concentración del partido comunista". Pero se puede expresar todo en la forma más breve todavía, tal como lo tienen los "presos" en su cabeza: *Campana*: Levántense! *Campana*: Salgan al trabajo! *Campana*: Control de personas! *Campana*: A dormir! El tiempo entre las campanas, es decir desde la salida del sol hasta la noche, está siempre con el mismo pensamiento: recordando de su familia y de su desdicha!

También mucho tiempo ocupan las "colas"! Cola — para recibir herramientas del trabajo, cola — para recibir un jarrito de agua caliente, cola — para recibir el racionamiento de comida, cola — para recibir el paquetito del tabaco, cola — para un balde de agua para bañarse, cola — en la enfermería para recibir un pedazo de venda, etc., etc.

Con campanadas y gritos de las órdenes, en el trabajo y en las "colas" pasa la vida de los presos! Y si por casualidad, alguien sale en libertad, ya no tiene más fuerzas para empezar de nuevo la vida!

F i n

Р о з ы с к и

Объявления о розысках — 1 долл.

Розыскиваю брата Сильвестра Фотиевича ГАЛАГАНА, проживавшего в Праге (Чехословакия) до 1937-38 г. г. Знающих что либо о нем, прошу сообщить по адресу:

Mrs. Y. Solonskaja
71 Wonsbeck Valley Rd
Cardiff Newcastle N. S. W.
Australia

Розыскиваю дядю, Михаила ДЕРИГЛАЗОВА, уроженца гор. Курска. В последний раз видела его в лагере Кипчевек в Германии в 1945 году. Лиц, что либо о нем знающих, прошу сообщить в редакцию "Нашей Страны".

Артиллерийский техник Федор Федорович ПРОХОРОВ и сын его Виктор просят родных и друзей отозваться по адресу:

Sr. Teodoro Prokhoroff,
Calle Catamarca 2058.
Buenos Aires, Argentina

Сын КОСТЯ розыскивает отца, Николая Николаевича ГАБРИЛОВИЧА из Симферополя. Лиц, что либо о нем знающих, убедительно прошу сообщить по адресу:

S. Chatkovski,
Sandy Lane,
Oxton Notts., England

офицеры гвардии, избегали подавать руку офицерам Отдельного Корпуса жандармов. А теперь он сам стал жандармом — да еще у кого! И теперь приходится выслуживаться — да еще перед кем! А иного выхода все равно уже не было. Разве что — еще раз перековаться, еще раз бежать за границу и там выпустить сенсационную книгу о тайнах МВД?

Эта мысль ему приходила в голову не в первый раз. Правда, писательство никогда не было его сильной стороной, но можно ведь найти какогонибудь специалиста, который приласт литературно сенсационный оттенок устным рассказам. Можно, конечно, бзет и приврать — кто там проверит! Может быть с точки зрения именно этого плана, хорошо бы было изменить и план преследования этого Светлова? Может быть, лучше найти в нем не врага, а союзника? Но, — в качестве врага или в качестве союзника. — как его найти?

Мысли генерала Буланина постепенно стали путаться. Собственно говоря, он так и до сего времени не мог понять — зачем он "им" оказался нужен? Да, конечно, древнее имя, но сколько носителей древних имен было отправлено в погвал? Военная традиция? Генерал Буланин прекрасно понимал, что эта традиция уже кончена и что его старая военная выучка в современных условиях стоит очень немного. Единственное разумное объяснение, которое мог придумать генерал Буланин, заключалось в том, что в его лице власть нашла привилегию для других дураков эмиграции — сейчас под влиянием коньяка Буланин не хотел превеличить своих умственных способностей. Может быть, еще для того, чтобы иметь в аппарате МВД человека абсолютно чуждого для всех остальных его работников? Толкового ответа на все эти вопросы генерал Буланин, впрочем, так и не нашел. Пока что

"НАША СТРАНА"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tjonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaeve. IRO Campo Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 8 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street, Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы: От "Дедушки Мороза" — 100 песо; от П. А. Бобошко — 5 долл.

Исправление: Список пожертвованных в Фонд, помещенный в № 102, следует читать в исправленном виде так:

от М. И. А-ва — 500 фр., от Ковалева — 200 фр., от Модестова — 1.000 фр., от Чига — 500 фр., от Данишевского — 1.000 фр., от г-на "С." — 1.000 фр.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть I — Основные положения. вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

нужно было выполнять поручение Москвы — или делать вид, что выполняет и охотится за этим Светловым с его компанией... Кроме того, генерал Буланин достаточно точно знал, что за ним следят совсем вплотную и его шоффер, и вестовой и его ближайшие сотрудники и соседи, что все они следят за каждым его шагом и что побег за границу вовсе не так прост. Но что — то все таки нужно предпринимать. Злесь, рано или поздно — все равно гибель. И даже если бы ему и удалось поймать Светлова, раскрыть заговор атомных исследователей, получить еще полдюжины орденов — все это ни от чего его не гарантировало бы. Что то нужно предпринимать.

(Продолжение следует).

Глеб Томилин.

Д В Е С И Л Ы

Р о м а н

Дежурным по комендатуре. Разрешите доложить: ваш самолет взорван.

—Как взорван? Кем взорван? — Генерал Буланин вскочил с постели и забыв о своем маузере, бросился открыть дверь. За ее порогом стоял неизвестный ему очередной дежурный.

—Прошу прощения за бесподойство, но так как вы приказали подготовить самолет, то, вот, я...

—Кто взорвал, я вас спрашиваю! — генерал Буланин чувствовал, что у него начинается припадок ярости.

—Кто взорвал? Почему не было охраны? Что тут у вас делается? — дальнейшие выражения генерала Буланина не носили вполне литературного характера и, вероятно, дошли бы до совершенно нелитературного, если бы не выражение лица дежурного по комендатуре.

Это был довольно рослый и крепкий парень, лет этак под сорок, и на его лице генерал Буланин еще раз заметил то выражение, которое ему приходилось подмечать очень часто: это выражение можно было бы перевести так: "и чего этот недорезанный белогвардеец тут разоряется. — Искал бы он ко мне на гражданском фронте, я бы с него шкуру спустил"... Дежурный стоял более или менее на вытяжку, но его лицо не желало скрывать ничего: "вот ты еще покричи — и пладешь все равно в подвал"...

—Разрешите доложить: часовой у самолета был поставлен.

—Где же он?

—Сгорел при взрыве.

Генерал Буланин провел ладонью по своему кадыку: ему казалось, что он начинает задыхаться.

—А других самолетов в Неелове нет?

—Никак нет. — Дежурный смотрел с почти нескрываемой злобой — как смотрели очень многие. Генерал Буланин постарался взять себя в руки.

—Ну, значит, придется подождать до утра. Прикажете принести мне коньяку и что-нибудь закусить...

—Слушаюсь, товарищ генерал.

Учреждение в доме номер тринадцать работало всю ночь и его буфет работал тоже всю ночь. Минут через десять генералу Буланину была доставлена бутылка коньяку и довольно обильная закуска. Вместо халата генерал Буланин надел свою военную шинель и, палевая ее, поймал себя на том, что его руки дрожат и не могут попасть в рукава шинели: да, для таких приключений он, вероятно, стал слишком уж стар...

Стакан коньяку несколько успокоил его. Сидя в кресле за столом, генерал Буланин пробовал подсчитать, сколько человек могло знать о его дальнейших планах. Первый — Мелведев. Второй — прежний дежурный по фамилии, кажется, Иванов. Могло что то подслушать и доктор. Итак: трое. И кто то из троих кому то уже успел сообщить о его, Буланина, дальнейших планах. А Мелведев еще говорит о том, что никакой организации нет!

Генерал Буланин сидел в кресле, тянул коньяк и пытался думать. Это занятие ему было вообще мало по душе. Мысли все — как то независимо от его воли — возвращались к прошлому, к старому, давно и безнадежно потерянному. Генерал Буланин горько усмехнулся: когда то они,